

Балетмейстер Георгий

7.99.

...Одно это слово — "принята" — изменило весь ход моей жизни...

Через десять дней я сердечно распрощалась с мадам Соколовой и господином Чекрыгиним и вступила под своды Театрального балетного училища как его законная ученица...

Чтобы отличать нас, "вечерников", от постоянных учеников, нам было отказано в праве носить синюю форму, и вне классов мы были одеты в свои обычные платья. Чтобы мы не забывали о нашем более низком статусе, постоянным ученикам запретили дружить с нами, и, когда мы приходили на занятия к шести вечера, большинство из них находились в спальнях. Куда ни кинь, мы были гражданами второго сорта...

Время от времени в студию приходила директриса, чтобы посмотреть, как мы успеваем. Часто обходы совершал и директор, обдававший нас холодным презрением. Григорий Григорьевич (которого ради краткости мы будем называть Г. Г.*) был высокий полный мужчина, живший в квартире на первом этаже. Будучи руководителем училища с добрых старых царских времен, он упорно противился новшествам. Язывательный по натуре, он никогда не упускал случая сделать колкое замечание, что расстраивало и унижало нас. Меня, например, он сразу прозвал "бульдозером"...

Мальчиков на нашем вечернем отделении было очень мало, поэтому на уроки балльных танцев в качестве партнеров пришлось пригласить нескольких постоянных учеников...

Педагог дал знак. Мальчики пересекли зал и поклонились выбранным ими партнерам. Мы в ответ сделали книксен и затем парами легко закружились в вальсе, как на настоящем балу.

Мы успели сделать пару кругов по студии, когда дверь отворилась и вошел Г. Г. вместе с молодым человеком. Они стояли, перешептываясь и посмеиваясь. Директор наверняка давал волю своим насмешкам.

Педагог объявил кадрили, и молодой человек покинул Г. Г. и присоединился к мальчикам. Они тепло приветствовали его.

"Георгий жаждет танцевать", — шутливо сказал Г. Г. педагогу. Тот сделал широкий жест рукой, как бы предлагая молодому человеку все пространство студии.

В ответ он поклонился и вскоре уже вовсю дирижировал кадрилию, изобретая комбинации, поправляя, меняя партнеров. Он был примерно ста семидесяти пяти сантиметров росту, хрупкого сложения, однако в нем чувствовалась какая-то скрытая сила. У него были длинные волосы, прядь постоянно падала на один глаз, как у отца. Движения его были плавными и грациозными и, несмотря на мягкий голос и вежливые манеры, весь его облик говорил о задатках настоящего лидера. С его орлиными чертами и байронической прической он казался кем-то средним между поэтом и генералом.

Мальчики явно любили его. Они охотно подчинялись, девочки заразились общим настроением, учон превратился в забаву. Мы скользили и подпрыгивали и кружились в бесконечных комбинациях, которые он придумывал.

Он, кажется, тоже получал удовольствие от происходящего. При очередной смене партнеров он приблизился ко мне, взял за руку и мы весело протанцевали вместе несколько па, хотя и без малейшего намека на интерес ко мне с его стороны.

Однако я много думала о нем все последующие дни и постаралась побольше разузнать о нем. Его звали Георгий Баланчивадзе. Молодой танцовщик и хореограф, он внушал беспокойство хранителям старых традиций своими авангардистскими склонностями — и не без оснований, поскольку даже его критики не могли отказать ему в таланте.

Оторванный от семьи на Кавказе, он жил в квартире Г. Г., который осознал его возможности, энергично продвигал его, заботясь о нем как о родном сыне...

Руководство Мариинского театра всерьез беспокоило хореографические вольности Георгия Баланчивадзе (или Жоржа, как зачастую представлялся он сам. — прим. переводчика). Ему поручили поставить шествие в "Золотом петушке", и то, что он придумал, хотя и было прекрасно, но подпрыгивало "устой". Старая гвардия к такому не привыкла и начала кампанию, направленную на его обуздание и введение в общепринятые рамки.

Подлинное творчество легко не сдается, и Георгий стал заниматься хореографией вне стен Мариинки, создавая новые номера, которые он и другие танцовщики исполняли в "халтурах".

Но и тут старая гвардия попыталась помешать ему. Неофициально распространялась информация о том, что участие вместе с Баланчивадзе в поставленных им танцах не будет приветствоваться. И хотя по закону наказать за это было невозможно, давалось понять, что послушание может повлечь за собой "серьезные последствия". К своему удивлению молодой человек обнаружил, что другие танцовщики вдруг стали проявлять нежелание выступать с ним.

Где-то кто-то рассказал ему обо мне. Он особенно не запомнил нашу встречу в зале для балльных танцев. Но навести справки все же стоило. Уходящиеся вечернего отделения не столь жестко контролировались администрацией, как постоянные ученики, и Георгий пришел к нам в класс посмотреть, как я работаю.

Я удивилась, увидев его сидящим на скамейке у зеркала, и испытала легкое волнение, когда после занятий он остановил меня. Представив-

шись, он спросил, можно ли поговорить со мной. Меня поразили застенчивость и нерешительность его манеры. Я не имела ни малейшего понятия о том, что было у него на уме, но женское начало было во мне уже достаточно сильно, чтобы упустить возможность получше узнать его. Я тут же выдумала, будто очень спешу и спросила, не придет ли он к нам домой на чай в следующее воскресенье, чтобы мы могли спокойно побеседовать. Он согласился. Дав ему адрес, я выскочила на улицу, окрыленная и задыхающаяся от волнения...

В воскресенье я считала каждую минуту, охваченная страхом, что Георгий мог забыть о визите или передумать. Когда раздался долгожданный звонок, я бросилась в прихожую и открыла дверь. На пороге стоял Георгий, его голова была слегка наклонена вперед, темные волосы падали на глаз. Я ввела его в столовую, представила всем, и мы сели за стол пить чай в тошнотворной светской атмосфере. Наконец Георгий попросил разрешения поговорить со мной наедине... Я проводила его в гостиную. Здесь его застенчивость исчезла. Он спросил, не могу ли я воспроизвести несколько движений и позиций — которые он показал мне — и, кажется, остался доволен моей способностью низко и плавно склоняться. Кроме того, он захотел, чтобы я исполнила несколько акробатических трюков. И затем высказал свое предложение: не хочу ли я поработать с ним над танцем, который он поставит

Я была одинока, он тоже. Вокруг меня формально была семья, но жила я наедине со своими мыслями, надеждами, мечтами...

У Георгия тоже никого не было. Долгие годы он был оторван от семьи, и хотя позднее они начали переписываться, настоящей связи между ними не возникло. Г. Г. приютил его, когда в самые тяжелые годы революции училище закрылось, все учащиеся были выброшены на улицу и Георгия в буквальном смысле некуда было идти. Он безусловно испытывал чувство благодарности, однако сомневаюсь, чтобы его жизнь под крылом у Г. Г. особенно радовала его. Привязанность старика была явно окрашена скрытой гомосексуальностью и собственническими ощущениями, вступавшими в противоречие с мужественной натурой Георгия. Разумеется, это было не единственное, что сближало нас. Взаимное влечение возникло спонтанно, однако выпереженные обстоятельства помогли укрепить его, и мы постепенно влюбились друг в друга...

Мне было пятнадцать лет, но по сути я была гораздо старше своего возраста. Георгий все больше времени проводил у нас дома. Он всегда провожал меня после наших репетиций и приходил по воскресеньям, чтобы остаться на целый день. Если отец был дома, он иногда присоединялся к нам и обязательно просил Георгия поиграть на фортепиано. Тот охотно соглашался. В то время он не только хорошо играл, но проявлял определенные способности к композиции. Осо-

ДОСКИ СУДЬБЫ

Рос. муз. газета. — 1999. — № 7/8 — с. 11.

Балет, Баланчивадзе, Маяковский

Продолжаем публикацию фрагментов воспоминаний Тамары Жевы (Жевержевой), начатую в № 6 "Российской музыкальной газеты"

для нас, и показать его вскоре в маленьком театрик?

Хочу ли я? С трудом сдерживая радостный вопль, я величественно кивнула.

Тот первый танец я хорошо запомнила, если и не во всех деталях, то во многих. Музыка была Антона Рубинштейна — пьеса называлась "Романс" — и хореография содержала значительные отступления от классической формы. Она была также окрашена эротичностью, очень эффектной и, разумеется, "ужасно шокирующей" старую гвардию.

На этом выступлении я была несколько скована, главным образом из-за присутствия среди публики Г. Г. Зная о его антипатии ко мне и о его влечении на Георгия, я дрожала при мысли о его реакции. К счастью, он не пришел за кулисы, а представление, очевидно, прошло достаточно хорошо, так как Георгий вскоре начал сочинять новый номер.

Вот так я стала первой Галатеей у этого Пигмалиона. Георгий и я работали почти каждый вечер после классов, за исключением тех дней, когда он танцевал в Мариинском. Часто мы выступали в воскресенье днем. Георгий экспериментировал, создавая комбинации, освобождавшие тело от жестких оков классической формы. И при этом не разрушая ее, а в сущности развивая и расширяя ее границы. Благодаря тому, что он был отличным музыкантом (занимался фортепиано в консерватории), ему удавалось совершенно по-новому сочетать движение и звук. Кроме того, мы использовали музыку композиторов, прежде считавшихся неподходящими для танца: Скрябин, Прокофьев, Делюс... У нас было много ангажементов, и едва только мы показывали танец на публике, как Георгий начинал ставить следующий...

Мой отец очень любил Георгия. Тот обладал многими качествами, которыми отец восхищался: талантом, нонконформизмом, решимостью в отстаивании собственного пути и убеждений, несмотря на сопротивление... Они могли бы стать близкими друзьями, если бы не препятствовавшие этому определенные сходства характеров. Отец был очень сдержан в проявлении чувств, как и Георгий. Им не хватало непосредственности, столь важной для достижения дружбы. Между нами всегда существовала некая дистанция, препятствовавшая возникновению настоящей близости.

Они и внешне были несколько похожи, однако вовсе не сходство с отцом привлекало меня в Георгия. В основе наших отношений лежали другие причины...

бенно запомнился мне один вальс, красивое сочинение с интересной гармонией и неожидан-ным мелодическим развитием...

Г. Г., вначале считавший наше партнерство чисто деловым, был не в восторге от того, какой характер оно начинало приобретать. Он никогда не упускал случая унизить меня в училище, кличка "бульдозер" произносилась свободно и во всеуслышание. Если он приходил к нам на занятия, то сидел с каменным лицом, а когда его взгляд падал на меня — всегда как будто случайно — его черты искажала гримаса отвращения...

Гордость не позволяла мне рассказывать об этом Георгию. Мы никогда не обсуждали ни Г. Г., ни его отношение ко мне, потому что Георгий предпочитал не касаться сего предмета. Даже тогда, когда Г. Г. унизил меня в его присутствии. Однажды, придя за кулисы после нашего выступления, Г. Г. сказал: "Очень хорошо, Георгий, очень интересно". И посмотрел на меня словно сквозь пустоту. "Конечно, это могло быть исполнено лучше. Но что ты можешь сделать! Когда-нибудь ты будешь танцевать с другой партнершей".

И Георгий продолжал разговор, как ни в чем ни бывало. До сего дня я недоумеваю, почему он никогда не заступался за меня...

Мы с Георгием становились все ближе друг другу. У нас не было свиданий при луне и вообще всего этого романтического антуража, ни времени, ни возможности для чего-нибудь поэтического и юного. Только работа и наше одиночество, и наши всегда соприкасавшиеся тела, и естественное влечение. Наша зарождавшаяся любовь была на удивление зрелой.

Мы продолжали танцевать вместе и однажды получили приглашение выступить в Москве. Помню, нам заказали конкретный номер — па-детруа из балета "Арлекинад". Поскольку нужен был еще один танцовщик, Георгий попросил Николая Ефимова, молодого танцора из Мариинского, составить трио...

Когда мы приехали, оказалось, что нам выделили всего одну комнату в квартире, где жили две семьи. Озадаченные, мы переглядывались. Одна комната с единственной кроватью и маленькой кушеткой для двух молодых людей и девушки? Мы поделились своим недовольством с хозяйкой. Та рассмеялась нам в лицо: Москва переполнена, мы должны быть благодарны за то, что нам досталась целая комната!

Мы вернулись к себе, и я решила проявить инициативу. Я буду спать на кушетке, сколь мала она ни была, а молодые люди лягут на кровать. Уладив этот вопрос, мы провели остаток дня,

изгоняя и давя клопов, во множестве гнездившихся в матрасе и диванных подушках.

Представление прошло успешно. Георгий захватил с собой красивые костюмы из гардероба Мариинского театра, и я вся сияла в розовой пачке, отделанной маленькими искусственными бриллиантами... Нас несколько раз вызывали "на бис", и успех превзошел ожидания, учитывая, что мы исполняли вне контекста отдельный танец из старомодного балета. Когда нам заплатали, мы упаковали костюмы и направились к выходу.

Вдруг на пути возникла огромная тень. "Быстрое исцеление для столь недавно потерпевшей неудачу. Мои поздравления!". Мощный голос звенел как колокол в ночи. Его нельзя было спутать — другого такого не было. "Сегодня я наблюдал твою работу. Прекрасные ноги! Почему твой отец не предупредил меня о твоём приезде? Я приготовил бы для тебя колесницу. К счастью, просматривая утреннюю газету, я наткнулся на объявление об этом колоссальном событии".

Сияя мне с высоты своего огромного роста, он взял меня под руку и мы все вышли на улицу. Георгий и Ефимов во все глаза смотрели на эту воплощенную мощь. Он галантно поклонился им.

"Господа, моя фамилия Маяковский. Позвольте выразить мое восхищение вашим изумительным представлением".

Я была рада видеть его и польщена тем, что он нашел время прийти на наше выступление.

"А теперь, моя дорогая, — обратился он ко мне, — ты должна оторваться от своих кавалеров, так как я везу тебя ужинать. Мы разделили с тобой миг отчаяния. Теперь справедливо будет, если мы разделим миг триумфа!".

Это было не приглашение, которое можно принять или отвергнуть, а констатация факта, поставившая меня в затруднительное положение. Я хотела вернуться домой с Георгием и вместе с тем была так обязана Маяковскому за его прежнюю доброту. Мои внутренние борения не укрпились от него. "Ты случайно не собираешься ли отказать?" — спросил он игриво, прекрасно понимая, что я не смогу устоять. Мне пришлось извиниться перед Георгием и Ефимовым, объяснив, что Маяковский — старый друг отца, и попросив не ждать меня.

Маяковский отвез меня в тот же ресторан "Не рыдай", и снова люди узнавали его, суетились вокруг, и цыгане пели, и сам он был хорош как всегда, но прежнее волнение исчезло. Мне не давало покоя холодное выражение лица Георгия, смотрившего нам вслед, когда мы уходили.

Поэты обладали особой чувствительностью. Не успели мы покончить с ужином, как Маяковский подался вперед и, глядя мне прямо в глаза, произнес: "Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что один из твоих кавалеров нашел подход к твоему сердцу и ты жаждешь вернуться к нему". И снова это было утверждение и никакие возражения не убедили бы его в обратном. "Пошли, отвезу тебя домой, — сказал он. — В твоих чувствах нет ничего дурного. Романтические привязанности помогают нам жить".

Я взлетела вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Заспанная женщина впустила меня в квартиру, и я, на цыпочках подошла к нашей комнате, осторожно открыла дверь.

Ефимов спал на кушетке, свернувшись под одеялом. Его ноги покоились на стуле.

Георгий сидел у изножья кровати в ожидании и смотрел на дверь. Не говоря ни слова, он встал и раскрыл мне объятия. Этого было достаточно.

В ту ночь мы с Георгием спали в одной постели.

.....
Может быть, что-то в нас изменилось по возвращении из Москвы, а может, отец уже некоторое время вынашивал эту идею, но вскоре, когда Георгий в очередной раз сидел за фортепьяно, отец порашил нас своим предложением...

— Почему бы вам не пожениться?
Георгий повернулся на вращающемся стуле, я вскоčila на ноги.

— Я говорю серьезно, — продолжал отец. — Совершенно очевидно, что вы без ума друг от друга. Детская ли это любовь или настоящая, не имеет значения. Время покажет. Если вы поймете, что ошиблись, вы всегда сможете развестись...

Мы с Георгием обменялись взглядами, в которых прочли ответ...

— Почему бы и нет! — сказал Георгий. Мне кажется, он был в шоке.

— Почему бы и нет! — эхом отозвалась я.

Интересно, что сам Баланчин опроверг такую версию своей первой женитьбы. Вот его слова, приведенные в книге Соломона Волкова "Balanchine's Tchaikovsky": "До меня дошли слухи, будто мы с Тамарой поженились по предложению Жевержеева. Ничего подобного! Жевержеев не обращал никакого внимания на Тамару и меня, всецело поглощенный своей уникальной библиотекой. Я жил в его доме. Там был замечательный инструмент. Жевержеев любил Вагнера и имел все его партитуры. И всегда просил: "Пожалуйста, сядь и сыграй что-нибудь из Вагнера". И я играл... чаще всего вступления и увертюры. Жевержеев просил у меня Вагнера, это правда. Но жениться на Тамаре — нет. Мы сделали это по собственной инициативе".

Перевел с английского В. НЕСТЬЕВ.

* Речь идет об инспекторе Театрального училища Г. Г. Исаенко — прим. переводчика.